

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Владимир Игоревич Игнатьев

доктор философских наук,
профессор Новосибирского государственного
технического университета,
Новосибирск, Россия;
e-mail: ighnatiev.v@inbox.ru

Цифровая детерминация постсоциальности: нарративы и концепции кризиса социального

УДК: 316

DOI: 10.24412/2079-0910-2025-1-227-239

В статье автор продолжает проверку гипотезы о движении социума к постсоциальному состоянию. Целью является выявление признаков постсоциальности в кризисных формах современного общества. Автор обращается к исследованиям Н. Флигстина и Д. Макадама, Бен-Чхоль Хана, Э. Садена и А. Реквица, в которых представлены описания «следов» формирующейся альтернативной социальности и анализ противоречивого характера последствий детерминации цифровыми технологиями кризисных социальных форм. Содержащиеся в текстах нарративы и концепты дают основание для вывода о наличии двух тенденций в трансформации социальности: о становлении «слабой» и «сильной» версий постсоциальности. По мнению автора, их противостояние и определяет содержание современного кризиса самого социального. При «слабой» и пока доминирующей версии постсоциальности непосредственные межличностные контакты еще возможны, но опосредованы техносистемой. Альтернативой «слабой» версии постсоциальности выступает ее «сильная» версия, предполагающая полное вытеснение из жизни людей межличностных взаимодействий и замену их на «общение» с техносистемой, превращение человеческой «массы» в множество изолированных друг от друга индивидов. Это уже не социальность, поскольку единство множества индивидов полностью обеспечивает техносистема, а не их собственные интеракции. Индивиды встроены в техносистему как элементы, связи между которыми перенесены в пространство виртуальных коммуникаций с цифровыми копиями реальных индивидов, либо же индивиды переходят к коммуникациям с искусственными цифровыми акторами — представителями сообщества, создаваемого нейросетью.

Ключевые слова: социальное, социальность, инвариант социальности, постсоциальность, цифровая детерминация, альтерсоциум.

© Игнатьев В.И., 2025

Введение

Когда Жан Бодрийяр связал «конец социального» с «массой» как «молчаливым большинством», он не мог предположить, что через несколько десятилетий на арену социальной истории выйдут агенты новой социальности, образовав общество с новой морфологией [Бодрийяр, 2000]. Они расположатся в пространстве «Галактики Интернет» (Castells), формируя в нем «массу» с новой социальной дифференциацией, основанной на сетевой логике интернета и на цифровых технологиях, которые начнут стремительно менять сами принципы коллективной жизни людей. В связи с этим обсуждение судьбы социального становится все более актуальным. Изучение перспективы и возможности прихода эпохи постчеловечества или общества на альтернативных основаниях продолжается в публикациях социальных исследователей [Девятко, 2023; Иванов, Асочаков, 2023; Иванов, Шимельфениг, 2020; Катерный, 2021; Криман, 2020; Лешкевич, 2022]. Однако вне поля зрения остается вопрос о вероятности наступления постсоциальности. Действительно, проблематично появление тематики «после-социальности» в предметной области изучения общественной жизни. И если «мир после» современного вида человека — как мир «постчеловека» — человека на более высокой ступени своей эволюции, или мир биокрибернетических гибридов, или же гибридного социума как сосуществования постлюдей и интеллектуальных машин — вполне уместимая предметная область, то «постсоциальность» скорее может вызывать ассоциацию с исчезновением сообщества представителей человеческого вида вообще. В настоящей статье автором продолжено исследование кризиса социального и возможности наступления «постсоциальности», представленное ранее в работе: [Игнатъев, 2023b].

Принцип воспроизводства социального формата жизни людей — неразрывное целое структуры и действий агентов, с возможной единственной альтернативной пропозицией: поскольку связи агентов поддерживаются их взаимной ориентацией, постольку при ее исчезновении социальная жизнь во всем ее многообразии и как результат коллективности становится невозможной. Но действительно ли взаимность не может быть заменена на что-то другое для продолжения или восстановления координации, но уже в новом качестве и таким образом, чтобы согласованные действия не исчезали? Как возможно воспроизводить скоординированные действия без ориентации на Другого как конкретного живого индивида? Возможно ли сохранять устойчивые коммуникации, солидарность и взаимопонимание без обращения к социокультурным образцам и ценностям, без ожидания предполагаемой реакции и интерпретации намерений Другого? Всегда ли необходима расшифровка эмоционального и телесного сопровождения коммуникации и содержания смыслов действий?

Социальность в используемой автором предлагаемой статье интерпретации — это универсальный механизм поддержания внутреннего единства множества агентов различных видов — человеческих и не-человеческих. Процедура различения понятий «социальное» и «социальность» была мною подробно произведена в: [Игнатъев, 2023b]. В продолжение исследования сформулирую следующие вопросы: что собой представляют феномены постсоциальности; как их появление детерминировано цифровыми технологиями; где «пространство» их возникновения и каков механизм их влияния на обострение кризиса социального и на появление альтернативной социальности?

В статье используется следующее общее (инвариантное) определение социальности. *Это особая конфигурация механизма взаимодействий, закрепляющего устойчивость связей определенной совокупности организмов любого вида (естественного или искусственного происхождения); это способность множества активных агентов образовывать устойчивое гомогенное или гетерогенное единство путем ориентации каждого агента на согласование и координацию взаимодействий.* В дальнейшем понятие «социальность» будет использоваться для обозначения механизма воспроизводства устойчивых взаимодействий, а понятие «социальное» — для описания многообразия проявления социальной жизни людей.

Обратимся к некоторым появившимся в последнее время оригинальным исследованиям процессов трансформации социального и социальности, представленным в трудах Н. Флигстина и Д. Макадама, Бен-Чхоль Хана, Э. Садена и А. Реквица. Выбор авторов обусловлен содержащимся в их текстах анализом нарастающих противоречий между альтернативными вариантами сохранения социальности жизни людей в условиях тотального захвата социума цифровыми технологиями. Авторы объединяет попытка ответить на вопрос, в какой степени феномены, проявившиеся в период позднего модерна и информационно-цифрового общества, подрывают основы человеческой социальности. Предложенные этими исследователями нарративы и варианты оригинальных интерпретаций феноменов кризиса социальности пока еще не были удостоены должного внимания со стороны разработчиков социальных теорий современности. Анализ текстов позволил автору настоящей статьи обнаружить многочисленные факты, подтверждающие обоснованность гипотезы о тенденции перехода к постсоциальности.

Кризис социального или наступление альтерсоциальности?

Прежде всего, обратим внимание на очередной значительный шаг, сделанный для продолжения концептуализации в социальной теории конструкторов социального и социальности. Вариант объяснения «сущности человеческой социальности» представили в своей теории полей социального действия Н. Флигстин и Д. Макадам [Флигстин, Макадам, 2022, с. 95]. Авторы поставили цель создать социологическую концепцию, которая учитывает экзистенциальные способности и потребности в наличии смысла и принадлежности к группе, а также объясняет, как люди создают и поддерживают социальные миры на мезоуровне. «Мы утверждаем, что именно потребность в выработке смысла составляет основу стремления людей инициировать и поддерживать коллективное действие» [Там же, с. 115]. Удалось ли авторам обнаружить какой-то особый механизм «сцепки» индивидов не просто в механическое множество, а в особый тип сообщества? Привнесла ли их теория полей вклад в теорию человеческой социальности?

Флигстин и Макадам чаще используют понятие «социальное», реже — «социальность», вкладывая в эти понятия, по сути, близкое или тождественное содержание [Там же, с. 95, 105]. В них выделяется главный признак: социальное/социальность — это специфическое качество, возникающее в совместной жизни людей. Флигстин и Макадам обращают внимание на главный атрибут социального: коллективность, функция которого — обеспечить потенциал согласованной символической деятельности и совместного создания смыслов. Так, по их мнению,

возникает «экзистенциальная функция социального» [Там же, с. 98]. Согласование и совместимость — и есть выделяемые авторами «сцепки», через которые реализуется социальное как особый механизм обеспечения устойчивого коллективного способа существования индивидов. Флигстин и Макадам подчеркивают, что «теперь коллектив выполняет другую самостоятельную функцию: не только ради выживания, но для обеспечения членов группы специфическими коллективными идентичностями и взаимно разделяемыми представлениями о мире» [Там же, с. 99]. Социальное возникает как *повторяющаяся* деятельность, ориентированная на *сотрудничество* intersубъективной природы. Это действия согласованные, осмысленные, символические и совместные. Создание смыслов становится целевой установкой индивидов на обеспечение поддержания и постоянного воспроизводства «сцепки».

Для объяснения того, что предпринимают люди для организации коллективного действия, Флигстин и Макадам используют понятие социального навыка, концепция которого была разработана представителями символического интеракционизма (Гоффман; Йоас; Мид) [Там же]. Социальный навык — это «способ обеспечивать кооперацию, призывая и помогая создавать разделяемые смыслы и коллективные идентичности» [Там же, с. 116]. Социальный навык проявляется как способность принять роль Другого в ходе совместной деятельности. Это и индивидуальное качество, и особая способность осознавать свою социальную позицию с точки зрения других акторов. Таков общий, универсальный механизм «сцепки» индивидов с позиции концепции теории полей социального действия. Но замечу, что инвариантность этого механизма исторична и претерпевает радикальное изменение с наступлением общества постмодерна. Ядро социальности, на которое справедливо указывают Флигстин и Макадам, как совместное вырабатывание и согласование смыслов, подрывается заменой субстрата коммуникаций — содержания и форм дискурсов, подрывается самой измененной процедурой согласования смыслов и изменением природы их происхождения. Речь идет о *превращении в эпоху цифровых коммуникаций нарративов в так называемые сторителлинги* и о переходе к обществу «достижений».

Анализ причин процесса этого перехода мы находим в работах *Бен-Чхоль Хана*, одного из наиболее известных современных немецких философов корейского происхождения. В эссе «Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива» Хан категоричен: общество XXI в. — «это уже не дисциплинарное общество, а общество достижений» [Хан, 2023b, с. 55]. Ориентиры в таком обществе, подходящие вместо запрета и приказов, — проекты, инициативы и личная мотивация [Там же, с. 57]. Возникает новый тип личности. Этот субъект достижений «свободен от внешней инстанции господства, которая принуждала его к труду <...> Он сам господин себе и суверен. Поэтому он никому не подчиняется или же подчиняется самому себе» [Там же, с. 63]. Но, замечу, при этом индивид остается связанным с другими. Сам же характер и механизм связи и «сцепки» меняется. На место совместного производства смыслов и идентичностей приходит зависимость от техносистемы и порождаемой ею системы контроля и власти над индивидами.

Что обеспечивало выработку разделяемых смыслов до прихода коммуникативных цифровых технологий? В работе «Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинги» Хан обращает внимание на такой способ аккумуляции и передачи опыта многих совместно живущих, как «повествования»,

распространяемые как «рассказы». «Рассказы укореняли нас в *бытии* <...> придавая жизни смысл, опору и ориентиры, то есть когда сама жизнь была *повествованием*... [теперь] мы живем в постнарративное время» [Хан, 2023а, с. 20]. «Повествование — это форма заключения. Оно образует заверченный порядок, который учреждает смысл и идентичность» [Там же, с. 22]. Капитализм присвоил себе повествование посредством сторителлинга, он «подчиняет его потреблению. Сторителлинг производит рассказы в потребительской форме» [Там же, с. 24]. На место повествования приходит информирование. Хан подчеркивает, что повествование и информация — это противодействующие силы. «Информация обостряет опыт контингентности, тогда как повествование его редуцирует, делая из случайности необходимость» [Там же, с. 23–24]. Информация — «не носитель смысла, тогда как повествование передает смысл <...> так что сегодня мы наилучшим образом информированы, но утратили ориентиры» [Там же, с. 24]. Если нарратив программирует индивида, то постнарративы ориентируют индивида на самопрограммирование. Хан заключает, что современные коммуникации как интенсивный информационный обмен обрекают рассказывание историй на гибель. Но именно рассказывания связывают людей друг с другом, усиливая взаимопонимание и сочувствие, и тем самым производят общество [Там же, с. 25]. Ведь повествование подпитывается опытом и передает его от одного поколения к последующему [Там же, с. 34].

В ходе цифровизации информация обретает особый статус — она онтологизируется. И сама действительность принимает форму цифровых данных. Вместо непосредственного опыта в коммуникациях господствует информация как репрезентация истонченной действительности опыта. Как следствие: «...мы больше не господина коммуникации. Информационный обмен ускользает от нашего созидательного контроля. Коммуникация все больше управляется извне. Люди низводятся до управляемого и эксплуатируемого массива данных» [Там же, с. 39]. И индивид вынужден сопротивляться для сохранения «Я» и идентичности. Чему противопоставит индивидуальная память? Хан замечает, что «человеческая память избирательна. Этим она отличается от базы данных. Она нарративна, тогда как цифровой носитель работает аддитивно и кумулятивно. Повествование покоится на отборе и связи событий» [Там же, с. 63].

Цифровые платформы непрерывно протоколируют жизнь. Происходит то, что можно обозначить как «онтологизация цифры» — реверсивное возвращение «цифрового аватара индивида» в пространство оснований его поведения, но теперь уже обусловленного его цифровой моделью [Игнатъев, 2023а]. Чем больше собирается данных о человеке, тем легче следить за ним и управлять. Диалог индивидов друг с другом замещается их коммуникацией с платформами, которые теперь заменяют им Других. Платформы подобны субъектам в своей активности. Они генерируют данные помимо сознания индивидов. Более того, они отображают их действия еще до того, как эти действия индивид отрефлексирует и проинтерпретирует.

За пространством сознания возникает особое бессознательное — цифровое бессознательное. С его помощью, отмечает Хан, «искусственный интеллект получает доступ к нашим желаниям и склонностям, которые мы не осознаем» [Хан, 2023а, с. 65]. Но между платформами и индивидом расположился посредник — индивидуальный представитель глобальной нейросети искусственного интеллекта — смартфон. Он спутник, помощник и партнер, близкий друг и самый «значимый Другой». Вот как описывает роль смартфона как агента коммуникаций Хан: «Смартфон наи-

более эффективно ограждает нас от действительности, полностью переводя с нее *взгляд*, когда в ней возвещает о себе *Другой*. Сенсорный экран приводит к полному исчезновению действительности как *собеседника со своим ликом* [Там же, с. 107]. «Смартфон, — продолжает Хан, — ускоряет изгнание Другого. Он есть цифровое зеркало, которое вызывает постинфантильное воссоздание стадии зеркала. Благодаря смартфону мы остаемся на стадии зеркала, которое поддерживает воображаемое Эго (Ego)». Что же происходит в итоге? Цифровое зеркало «ликвидирует реальное и в пользу воображаемого приводит к исчезновению того символического, которое воплощает совместные ценности и нормы. В конечном счете, оно имеет следствием *эрозию сообщества*» [Там же, с. 109].

В итоге анализа последствий отказа от нарративов как оснований социальности Хан приходит к ряду выводов: 1) сториз в социальных сетях разобщают людей и в отличие от повествования они не производят ни близости, ни эмпатии. Борьба же за внимание не учреждает сообщества; 2) неолиберальный нарратив достижений превращает каждого в «самому себе предпринимателя». Такие его нарративы, как самооптимизация, самореализация или подлинность, дестабилизируют общество, разобщая людей [Там же, с. 135]. В результате — «сообщество без коммуникации отстает перед коммуникацией без сообщества» [Там же, с. 134].

Иную логику трансформации социальности вскрывает и описывает французский философ *Эрик Саден* в работе «Тирания Я: конец общего мира» [Саден, 2023]. Центральная идея исследования Садена: абсолютизация индивидуальности и индивидуального опыта, сохранение его через обмен нарративами не только не сохранит социальность, но приведет к ее противоположности — антисоциальному сообществу, абсолютной диктатуре множества индивидуальностей. Саден связывает эту антисоциальность с технологической революцией — цифровизацией. Он пишет, что появление множества цифровых устройств привело к тому, что «возникла новая психология индивидов, вообразивших, будто внезапно им стало подвластно гораздо большее». «На рубеже 2010-х годов начал формироваться и накапливаться совершенно новый опыт: самоотчуждение в сочетании с чувством упрочения власти над отдельными сторонами жизни» [Там же, с. 25, 27].

Саден приходит к обнаружению не только другого социального, но и вообще другой социальности, социальности без доминирования прямых межличностных интеракций, которые замещаются цифровыми технологиями. Индивид теперь противостоит своему символическому миру. Впервые в истории возникает раскол «между индивидами и производным их судеб, вместе взятых <...> состоящих из рассказов, форм представления, воображаемого, обычаев, образа жизни, правил и законов, служащих фундаментом для совместного существования» [Там же, с. 33]. В результате возникает «тоталитаризм множества», которое «опирается на особую форму изоляции индивидов» [Там же, с. 38]. Как происходил переход к этому новому состоянию?

С распространением интернета и мобильных телефонов возникает новая ментальность индивидов. Роль близкого существа начинает играть гаджет. С появлением ноутбука возникает возможность интерактивности и участия в работе сети. С распространением смартфонов открылся новый формат взаимодействия с предметом на основе немедленной реакции и телесной близости. Возникает ощущение себя в центре коммуникаций. С появлением персональных цифровых помощников «мы вступили в эпоху, где будет избыток инструментов, наделенных речевы-

ми функциями, и с ними мы будем вести диалог, выстраивая отношения, которые внешне должны казаться как нельзя более естественными» [Там же, с. 130].

Через гаджеты техносистема активно участвует в персональном конструировании реальности, предлагая все новые образцы, предугадывая желания индивида. Техносистема работает в интерактивном режиме. Подчеркну: активны обе стороны — индивид и система. А персональные цифровые помощники выступают как альтернативные агенты социальности (агенты альтерсоциальности). Такое взаимодействие усиливает автаркию отдельных индивидов. В результате происходит ориентация на абстрактную цифровую модель личности. Полагаю, что в этом случае возникает что-то уже похожее на постсоциальность (по крайней мере, альтернативную социальность), которая вытесняет социальность как взаимную зависимость людей, поскольку взаимодействие с техносистемой заменяет взаимодействие индивидов друг с другом.

Саден обращает внимание также и на особое состояние перехода «к стадии расширения круга индивидов, не изолированных друг от друга, но тяготеющих к автаркизму <...> возникает среда, в которой люди живут словно параллельно друг другу и соседствуют, только если случайность априори совместима с уместностью» [Там же, с. 135]. Устройства стали посредниками, ведущими индивида за собой. Они стали выполнять новую функцию: не просто «обеспечивать всплеск удовольствия, а служить подобием протеза, способного вернуть уверенность, тонизирующим средством, которое всегда под рукой» [Там же, с. 145]. Происходит наблюдение самого себя — «самоинтеракция», ориентация на себя — «Я есть зеркало», другие же в сети — только фон. Это уже действительно альтерсоциальность. «Мы имеем дело с радикальными феноменами приватизации — с состояниями, в которых никто уже не может видеть и слышать другого или быть увиденным и услышанным. Каждый загнан теперь в свою субъективность как в изолятор» [Там же, с. 150]. Социальное продолжает воспроизводиться, но на основе платформ, которые задают правило «следуй за». «Следуй за» — это и есть новый принцип интеракций (социальности), детерминированных платформами, а не индивидами. Саден так описывает этот процесс: фолловеры выступают теперь в роли исполнителей заданий *Twitter*. Через *Twitter* реляционная сеть стала расти по принципу «фолловинг», «можно сопровождать любого и всем, не спрашивая разрешения» [Там же, с. 156]. «В *Twitter* люди стремятся к самоутверждению, но не для того, чтобы терпеливо защищать свою точку зрения и убеждать собеседника — скорее хотят навязать другим собственное восприятие вещей <...> каждый пост возникает словно из ничего <...> в отличие от диалога в обществе, который всегда вытекает из ответа и связан с другими высказываниями» [Там же, с. 160].

Так, замечу, возникает «социальность без социального», расширяются опосредованные техносистемой интеракции, замещающие общество. Но что вместо него, чем становится это множество индивидов? Агрегацией, категорией или ранее неизвестной общностью? Саден так пытается объяснить возникший феномен: «Мы имеем дело отнюдь не с сущностью, призванной устанавливать связи, а с разогретым механизмом, притягивающим множество человеческих монад <...> желающих привлечь к себе внимание <...> В такой динамике нет отдельных действующих индивидов, вместо них — мириады существ, тщетно вопиющих что есть сил и словно запертых в стеклянных клетках, где ничего не слышно, где невозможен продуктивный обмен и сколь-либо плодотворный союз» [Там же, с. 166].

Цифровые платформы структурируют социальное с помощью предлагаемых индивидам ролей, «сторис», и формируют социальную структуру, состоящую из «инфлюенсеров», которые демонстрируют в своих аккаунтах множество примеров для подражания. Такое «увлечение лицами» — это практики; «инфлюенсеры» — это роли и статусы. Миллионы людей начинают исполнять роль посланников различных брендов и становятся связующим звеном со своими сообществами. Такое социальное полностью определяется платформой. Платформы замещают естественно сложившийся и работающий социальный механизм иерархического ранжирования индивидов и групп на альтернативные схемы сравнения, разрабатываемые индивидами в сетях на платформах, предлагающих использовать принцип «аксиологической избыточности». «Связи теперь устанавливаются главным образом от индивида к индивиду — между теми, кто умело укрепляет свой авторитет, и теми, кто принимает их правила. Происходит переход от извне-ориентированности к непрерывной игре в “восхождение по горизонтали”, когда многие пытаются окружить себя аурой исключительности» [Там же, с. 176]. «Появляется множество типов поведения, назначаются новые ориентиры, устанавливаются новые нормы. Возникает “аксиологическая избыточность”, т. е. формируется обилие ценностей, перенасыщающих общество» [Там же, с. 177]. И Саден делает вывод: «Мы вступили в исторический момент, когда общее целое пошло трещинами и обернулось разбухающим множеством монад, индивидов, почувствовавших свободу от оков <...> что можно было бы назвать *стремительной монадизацией мира*» [Там же, с. 199, 200].

Уместно задать вопрос: а что же с основанием воспроизводства социальной жизни людей? Ответ Садена: «Грядет новое разделение на истинное и ложное — но не на “истинное и ложное”, а на “Я” и “Мы”, на субъективные взгляды отдельно взятых людей и то, что до недавнего времени служило общим понятийным фундаментом» [Там же, с. 205].

Полагаю, что этот *общий понятийный фундамент* — есть основа действия механизма социальности и воспроизводства социального. Наступает просветление/отрезвление: общее мнение более не существует, оно — гипостазированный феномен воображения без сущности; сущностью же обладают лишь индивидуальные мнения. И это стало очевидным в эпоху включения (вторжения) в межчеловеческие интеракции созданных сами же людьми «неестественных» (с точки зрения всего предыдущего исторического периода существования человеческого социального и социальности) способов обеспечения коллективности. Теперь индивидуальные акты все более провоцируются, поддерживаются и санкционируются не столько процедурами социального происхождения как результата межличностных интеракций, а платформами. Цифровые платформы становятся опорой нарастающей «монадизации мира».

Сингулярность vs атомизация?

И все же атомизации общества брошен «вызов» самим принципом ее нарастания, что парадоксально, но провоцируется самим социумом. Атомизация переходит в свою противоположность — в стадию *сингуляризации*. Именно сингуляризация демонстрирует образование противоречивого процесса — «самоотрицания»

атомизации. Концептуальное отражение этой диалектики получило воплощение в теории *Андреаса Реквица* «Общество сингулярностей». Что является признаком появления в обществе феноменов сингулярностей? Это интересы организаций и индивидуумов, которые связаны, прежде всего, «не со стандартизированным и регламентированным, а с единственным в своем роде, сингулярным» [Реквиц, 2022, с. 7]. Реквиц отмечает, что сингуляризация означает нечто большее, чем независимость и самооптимизация субъекта. Важнейшее — это стремление к уникальности и необычности, которое согласуется с ожиданиями общества. Это означает, что в состоянии сингуляризации жизнь не просто проживается, а сознательно курируется. Субъект демонстрирует уникальность собственного «я» посредством перформанса перед другими людьми. Как следствие — новые социальные формы подрывают общие правила и стандартизированные процедуры, культивируя вместо этого собственный уникальный мир [Там же, с. 9]. Сингуляризация порождает особые объединения индивидов, в которых развивается специфика культуры, представленная как «*сообща воображаемая*». Такие объединения названы Реквицем *несообществами*. Эти сингулярные коллективы представляют собой объединения, имеющие для участников собственную культурную ценность, заключенную в их особенности [Там же, с. 50]. В современные *несообщества* человек вступает по собственному выбору. Реквиц подчеркивает, что эти коллективы суть объединения с интенсивной *аффективностью*, поскольку разделяют не только практики, но также нарративы и фантазии [Там же, с. 51].

Вводя в арсенал социологической теории понятие «сингулярности», Реквиц поясняет: «...в социальном укладе позднего модерна происходит преобразование общественной структуры, которое заключается в том, что социальная логика общего перестает доминировать над *социальной логикой особенного*. Это особенное <...> я определил термином “сингулярность”» [Там же, с. 10]. Специфика этого феномена в том, что сингулярности не просто объективно или субъективно существуют, а целенаправленно создаются обществом. Как они возникают? Сингулярности — это сущности, которые воспринимаются и оцениваются, фабрикуются и рассматриваются как особенные в рамках социальных практик [Там же, с. 41]. Как влияют цифровые технологии на распространение сингулярностей? Они приобретают статус общей инфраструктуры производства сингулярностей [Там же, с. 182]. Это происходит прежде всего благодаря существованию глобальных сетей, свойства которых способствуют возникновению узкопрофильных сообществ [Там же, с. 208]. При этом Реквиц не согласен с отождествлением любых социальных образований в интернете с социальными сетевыми сообществами. По его мнению, «такой взгляд на вещи слишком недифференцирован: в цифровом мире господствует не единственная форма социального, а скорее сосуществуют целых *три* такие формы: гетерогенные коллаборации (в том числе сетевые), рынки сингулярности и несообщества. Все они являются сингулярными формами социального» [Там же, с. 208]. Социальная сеть — это социальная платформа для взаимодействующих в ней сингулярностей. Доминирующую форму социального, которая структурирует практику цифрового мира, образуют «рынки, а точнее культурные рынки сингулярности, которые одновременно являются рынками привлекательности» [Там же, с. 209]. Несобществам свойство сингулярности присуще как целому. Вступая в цифровое несообщество, субъект отказывается от своих притязаний на уникальность и передает их, по крайней мере на время, коллективу [Там же, с. 210].

К каким выводам приходит автор теории сингулярностей? Сингулярности не являются досоциальными, именно вокруг них формируются сложные сингуляристские формы социального [Там же, с. 345]. «В обществе сингулярностей “большой нарратив” политического прогресса в некоторых отношениях был вытеснен “маленькими нарративами” (личного) успеха и (личной) хорошей жизни <...> господствует радикальный режим нового, который является сиюминутным, то есть ориентированным не на долгосрочные инновации и революции, а на аффективность настоящего момента» [Там же, с. 346–347].

На какие важные для нашего исследования идеи следует обратить внимание в теории Реквица? 1) Сингулярности — это продукты индивидуального творчества. 2) Сингулярности не могут воспроизводиться без отклика и ожидания со стороны общества — публики. 3) Сингулярности конструируют свои социальные миры в виде *несообществ*. Это означает, что образование сингулярностей протекает как *разнонаправленный* процесс — формирование самодостаточности и воспроизводство постоянной зависимости от социума. Судя по этим признакам, несообщества можно отнести к альтернативным социальным образованиям, в которых механизм взаимной связи между входящими в них индивидами в значительной степени зависит от социума — публики, ожидающей нарастания сингулярностей в поведении несообществ. Но это также всего лишь «превращенная форма» атомизации, поскольку сингулярности «присваивают» социальное, заставляя его служить альтернативной социальности.

Заключение

С появлением информационно-цифровых технологий производства виртуальной реальности открылась возможность не только «проживания» квазисоциальной жизни в воображении, но и конструирования социума в этом параллельном социальном пространстве. При взаимодействии индивидов с *воображаемыми* Другими в пространстве цифровых коммуникаций возникают особые шаблоны интеракций, которые сохраняются в виде алгоритмов социальных взаимодействий. Как регуляторы (предписания) интеракций они включены в практики взаимодействий индивидов с *реальными* Другими и неразрывно связаны с цифровой техносистемой. При этом акты непосредственного взаимодействия индивидов сохраняются, но их регуляция теперь *детерминирована* системой шаблонов цифровых технологий. Социальность сохраняется, но преобразуется в альтернативную форму. Так возникает «слабая» версия *постсоциальности*, поскольку непосредственные межличностные контакты еще возможны, но опосредованы техносистемой. Как вариант экстремального поведения: индивид использует цифровые технологии для установления «тирании Я» как реакцию на давление цифровых платформ (Саден). Или же индивиды ставят технологии под контроль в целях создания сетевых несообществ на основе сингулярностей (Реквиц). Но все более проявляется «сильная» версия *постсоциальности*, для которой характерно полное исключение возможности для индивидов непосредственных личных контактов: «мы больше не господа коммуникаций» (Хан). И это уже не социальность в ее исходном значении, поскольку единство множества индивидов полностью обеспечивает техносистема, а не их собственные интеракции. Индивиды встроены в техносистему как элементы, связи между ко-

торыми перенесены в пространство виртуальных коммуникаций с цифровыми копиями реальных индивидов, либо же индивиды переходят к коммуникациям с искусственными цифровыми акторами — представителями сообщества, создаваемого нейросетью.

Кризис — это всегда напряженное противостояние альтернатив. Такой альтернативой «слабой» версии постсоциальности выступает ее «сильная» версия, предполагающая полное вытеснение из жизни людей межличностных взаимодействий и замену их на «общение» с техносистемой, превращение человеческой «массы» в множество изолированных друг от друга индивидов. Но это не масса «соединенных пустотой индивидуальных частиц» (Бодрийяр), а агрегация «спрессованных атомов», полностью подчиненных техносистеме.

Литература

Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 115 с.

Деятко И.Ф. Проблема ориентации искусственного интеллекта на человеческие ценности (AI value alignment) и социология морали // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 16–28. DOI: 10.31857/S013216250027775-5.

Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Цифровизация и критическая теория общества // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 16–28. DOI: 10.31857/S013216250024389-0.

Иванов Е.М., Шимельфениг О.В. Трансгуманизм и проблема бессмертия // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 1. Ч. 1. С. 104–122. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-104-122.

Игнатъев В.И. Перегрузка социальной реальности в пространстве квантифицированных символических объектов: «онтологизация цифры» // Общественные науки и современность. 2023а. № 4. С. 22–34. DOI: 10.31857/S0869049923040020.

Игнатъев В.И. Перспектива постсоциального транзита: метаморфоз действий и структур // Социологические исследования. 2023б. № 10. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250028300-3.

Катерный И.В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М.: ЛЕНАНД, 2021. 352 с.

Криман А.И. Постгуманистический поворот к пост(не)человеческому // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 57–67. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-12-57-67.

Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей эпохи цифры // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 53–63. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-53-63.

Реквиц А. Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна / Пер. с нем. Т.Ю. Адаменко, И.Г. Соколовской. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 400 с.

Саден Э. Тирания Я: конец общего мира / Пер. с фр. А. Захаревич. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023. 336 с.

Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 464 с.

Хан Бен-Чхоль. Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинги / Пер. с нем. А.С. Салина. М.: Изд-во АСТ, 2023а. 160 с.

Хан Бен-Чхоль. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / Пер. с нем. А.С. Салина. М.: Изд-во АСТ, 2023б. 160 с.

Digital Determination of Postsociality: Narratives and Concepts of the Social Crisis

VLADIMIR I. IGNATYEV

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia;
e-mail: ighnatiev.v@inbox.ru

In the article, the author continues to test the hypothesis about the movement of society towards a post-social state. The aim is to identify the signs of postsociality in the crisis forms of modern society. The author refers to the studies of N. Fligstein and D. McAdam, Byung-Chul Han, E. Sadin and A. Reckwitz, which describe the “traces” of the emerging alternative sociality, and analyze the contradictory nature of the consequences of the determination of crisis social forms by digital technologies. The narratives and concepts contained in the texts give grounds for concluding that there are two trends in the transformation of sociality: the formation of “weak” and “strong” versions of postsociality. In the author’s opinion, their confrontation determines the content of the modern social crisis itself. In the “weak” and still dominant version of postsociality, direct interpersonal contacts are still possible, but mediated by the technosystem. An alternative to the “weak” version of postsociality is its “strong” version, which involves the complete ousting of interpersonal interactions from people’s lives and their replacement by “communication” with the technosystem, the transformation of the human “mass” into a multitude of isolated individuals. It is no longer sociality, since the unity of many individuals is fully provided by the technosystem, not by their own interactions. Individuals are embedded in the technosystem as elements, the connections between which are transferred to the space of virtual communications with digital copies of real individuals, or individuals move on to communicate with artificial digital actors — representatives of the community created by the neural network.

Keywords: social, sociality, invariant of sociality, postsociality, digital determination, altersociety.

References

- Baudrillard, J. (2000). *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo* [In the shadow of the silent majority, or the end of the social], Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta (in Russian).
- Deviatko, I.F. (2023). Problema orientatsii iskusstvennogo intellekta na chelovecheskiye tsennosti [A value alignment and sociology of morality], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 9, 16–28 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250027775-5.
- Fligstein, N., McAdam, D. (2022). *Teoriya poley* [A theory of fields], Moskva: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki (in Russian).
- Han, Byung-Chul (2023b). *Krisis povestvovaniya. Kak neoliberalizm prevratil narrativ v storitelling* [Narrative crisis. How neoliberalism turned narratives into storytelling], Moskva: AST (in Russian).
- Han, Byung-Chul (2023a). *Obshchestvo ustalosti. Negativnyy opyt v epokhu chrezmernogo pozitivita* [Fatigue society. Negative experience in the era of excessive positivity], Moskva: AST (in Russian).
- Ignatyev, V.I. (2023b). Perspektiva postsotsial'nogo tranzita: metamorfoz deystviy i struktur [The perspective of postsocial transit: metamorphoses of actions and structures], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 10, 3–13 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250028300-3.
- Ignatyev, V.I. (2023a). Perezagruzka sotsialnoy realnosti v prostranstve kvantifitsirovannykh simvolicheskikh ob'yektov: “ontologizatsiya tsifry” [Rebooting social reality in the space of quantified

symbolic objects: “Ontologization of the figure”), *Obschestvennyye nauki i sovremennyy mir*, no. 4, 22–34 (in Russian). DOI: 10.31857/S0869049923040020.

Ivanov, D.V., Asochakov, Yu.V. (2023). Tsifrovizatsiya i kriticheskaya teoriya obshestva [Digitalization and critical theory of society], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 6, 16–28 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250024389-0.

Ivanov, E., Shimelfenig, O. (2020). Transgumanizm i problema bessmertiya [Transhumanism and the problem of immortality], *Idei i idealy*, no. 12, iss. 1, pt. 1, 104–122 (in Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1 – 104-122.

Kateryn, I.V. (2021). *Postgumanizm. Chelovek v epokhu novoy sotsial’nosti: metamorfozy, narrativy dilemmy* [Posthumanism. Man in the epoch of new sociality: metamorphoses, narratives, dilemmas], Moskva: LENAND (in Russian).

Kriman, A.I. (2020). Postgumanisticheskiy povorot k post(ne)chelovecheskomu [The posthuman turn to the post(non)human], *Voprosy filosofii*, no. 12, 57–67 (in Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2020-12-57-67.

Leshkevich, T.G. (2022). Chelovek-virtual i peredacha kul’turnykh tsennostey epokhi tsifry [Man-virtual and the transfer of cultural values of the digital era], *Voprosy filosofii*, no. 3, 53–63 (in Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-53-63.

Reckwitz, A. (2022). *Obshestvo singulyarnostey. O strukturnykh izmeneniyakh epokhi moderna* [Society of singularities. On structural changes of the modern era], Moskva; Berlin: Direktmedia Publishing (in Russian).

Sadin, E. (2023). *Tiraniya Ya: konets obshego mira* [The tyranny of the self: the end of the common world], S.-Peterburg: Izd-vo Ivana Limbakha (in Russian).